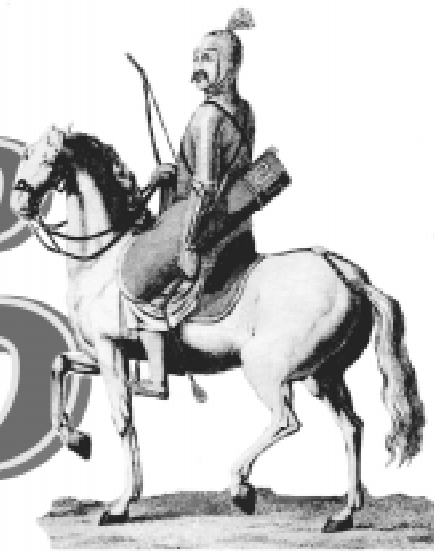

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ (выпуск 16)

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ВОССТАНОВЛЕНИЯ АРХАИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ СЧЕТА ВРЕМЕНИ (на примере адыгских жезлов из ореха)

В этом выпуске исторического приложения мы предлагаем вниманию читателя работу видного российского этнографа Владимира Александровича Дмитриева, главного научного сотрудника Российского этнографического музея. На протяжении более чем двадцати лет Владимир Александрович проводит системное изучение Причерноморской Шапсугии. Его первая статья на тему этнокультурного облика адыгов-шапсугов была опубликована в 1988 году в журнале «Советская этнография» (№ 6). В круг его научных интересов входят такие мало исследованные в российской этнографической науке направления как традиционная метрология народов Северного Кавказа, народная медицина, этнография современности, этносемантика ритуальных предметов, отношение к смерти в традиционном сознании. Исследования В. А. Дмитриева выходят далеко за рамки шаблонных этнографических направлений и имеют выдающееся значение для анализа процессов этнической истории адыгов и других народов Северного Кавказа.

Адыгская культура, даже в ее современном состоянии, содержит такие компоненты, которые восходят к ранним этапам истории. Примечательным примером сохранения архаики выступают предметы материальной культуры, сами по себе недолговечные, но служащие для воспроизводства и сохранения установок и ментальных форм, родившихся в глубокой древности. Именно такими у адыгов могут быть признаны различные атрибуты праздничных действий, сделанные из орехов. В быту адыгов предметы, изготовленные из ореха, занимают важное место, их продолжают делать, хотя круг их видов сузился по сравнению с прошлым.

В силу того, что многие из предметов, сделанных из ореховых плодов, представляют собой ассоциации количества с постоянной числовой ритмикой, позволительно предположить, что в данном случае присутствует орнаментальная или нумерологическая закономерность, за которыми обычно скрываются архаические ментальные конструкции. Их восстановление представляет одно из направлений исторической этнографии, предмет изучения которой — история культурогенеза этноса или группы этносов.

Ореховые деревья у адыгов считались счастливыми растениями, но обращение с ними требовало осторожности, не следовало их сажать вблизи дома, особенно тем, чей род не был многочисленным, стучать по стволу орехового дерева топором было небезопасно, так как в этом случае дерево бесконтрольно разрасталось, спящему под орехом снились кошмары.¹ У шапсугов ореховое дерево и его части активно использовались в лечеб-

ной практике.²

Свое символическое назначение имели и сами плоды орехового дерева, собственно орехи. Орехи упоминались в формулах благопожелания в обрядах детского и брачно-свадебного циклов. Во время новогодних праздников в дни весеннего равноденствия у основной части адыгов и в середине января у мздожских кабардинцев во время семейных торжеств проводилась игра «дэ кьагъэжэх» («орех скатить»). Ее участники, и взрослые и дети, получив из рук старшей женщины орехи, по очереди скатывали их поштучно вниз по специально установленной в центре помещения наклонной плоскости, стараясь своим орехом задеть орех из запущенных раньше. Задетый орех брал себе выигравший, он получал также право еще на один ход. Описавший эту игру С. Х. Мафедзев сообщает, что тому, кто выиграл самое большое число орехов, в наступающем году должны были сопутствовать счастье и удача.³

На молодежных посиделках, например, в доме, где находилась засватанная девушка, участники посиделок состязались в игре, которая называлась «орех». По ее правилам, орехом-битой с расстояния 4—5 м из круга выбивался другой орех, непопавшие биты складывали отдельно в другой круг. Орехи приносили с собой или получали от хозяйки дома, по окончании игры все орехи съедали — участники игры и невеста.⁴ Очевидное присутствие в данной игре признаков любовной и плодородческой магии не может быть причиной, по которой следует ограничиться преимущественным вниманием только к ним.

Отметим, что в названных играх присутствуют три момента: соприкосновение двух орехов с тем, что один из них заменяет другой (бита «берет» выбитый орех), утрата качества «промазавшим» орехом, использование орехов в коррекции будущего (приворот, приобретение удачи) вследствие соприкосновения их между собой или того, что их касался человек. Отметим попутно, что орех тверд и не разрушается, подобно камню, от удара.

Орехи служили материалом для приготовления ряда специфических предметов. Для скачек, которые в процессе свадебных торжеств проходили неоднократно, у кабардинцев изготавливались ореховая рубашка («де джанэ»), ореховая шапка («дэ пылэ»), ореховые путы («дэ ляхъэ»), ореховая палка («дэ баш»), ореховая плеть («дэ шлопш»). Победители получали призы в определенной очередности, начиная с захватившего первенство: шапку, рубашку, путы, плеть, палку.⁵ Состязание за шапку, «сплетенную из тоненьких прутьев и обвешанную орехами», было главным моментом скачек и вызывало «особенный восторг». Шапку использовали в ритуале посещения жениха в про-

межучточном доме во время обряда «скрывания жениха», когда ее подвешивали в дверном проеме так, что ее нельзя было не коснуться любому входящему, что было причиной штрафа, но и отчасти выглядело как его унижение.⁷

Относительно западных адыгов (адыгейцев) главными предметами, сделанными из орехов, называют ореховый кнут («дэжъые кьамыш»), ореховый флаг («дэжъые быракъ»).⁸ Ореховые предметы для свадебных скачек у всех адыгских этнографических групп готовили родственники жениха.

По описанию свадьбы у черноморских шапсугов в 1930-х гг. всадники требовали от устроителя свадьбы флажки, изготовленные из фундука. «Получив в конце концов требуемое, всадники, отъехав в сторону, устраивали недалеке состязания, нечто вроде эстафеты, где призами служат эти предметы».⁹

Вряд ли после состязания ореховые флажки сохранялись, надо полагать, что их делали не в единственном числе. На финальных скачках (после совершения обряда «примирения жениха с родными»), когда состязания шли за предметы, уже имевшие не символическую, а реальную ценность, флажки использовались для подачи сигналов.¹⁰

Состязание в борьбе за ореховый флаг («быракъзэтех»), сделанный из зеленых орехов-фундука, имело в том числе и смысл присвоения-создания изобилия. Целью состязания было принести флаг в место, определенное судьями, и победителем считался тот, кто выполнял задание, соперничая с другими всадниками.¹¹

Скачки проводились в погоне не только за ореховым знаменем, гораздо чаще знамя (флажок) было сделано из куска красного ситца. По сведениям Дж. Лонгворта (1839), призом в состязании, согласно правилам, должен был быть предмет девичьего рукоделия, но по необходимости изящное изделие заменялось тряпичным флагом. Тот, кто оказывался обладателем ткани, считался победителем и хранил ее.¹² Известно, что «борьба продолжалась до тех пор, пока от знамени не оставалось ни клочка, и схвативший его видит, что в его руках находится только древко».¹³ Предназначенный для разрывания тряпичный флажок, очевидно, следует отличать от того знамени, под которым двигались процессии с невестой или с партией жениха.¹⁴ За этот флаг тоже шло состязание, но несущие флаг должны были обязательно его сохранить. Можно усмотреть уподобление флага из ткани и орехового жезла-знамени: тря-

пичное знамя разрывается на лоскуты, ореховое изначально уже состоит из множества элементов.

Жезл хатякьо, распорядителя торжеств.

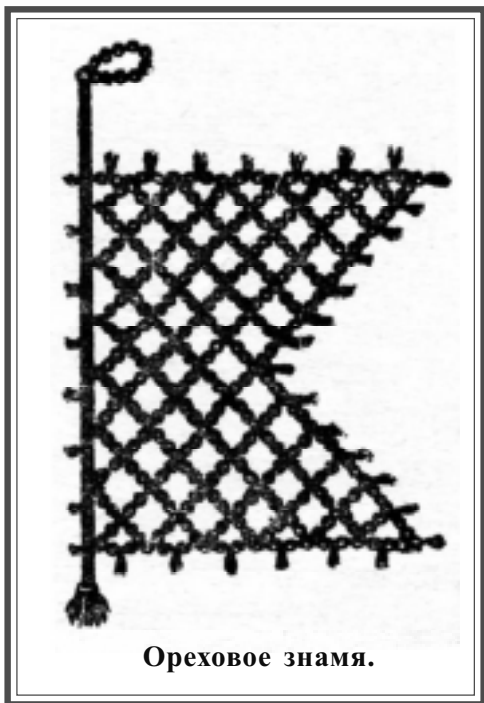
Отметим свойство орехов, входящих в образованные ими комплексы. Во-первых, они являются частью предметов, использовавшихся в обрядово-праздничной деятельности. Во время праздников все эти предметы разрушались, ореховые композиции не предназначались для длительного существования или долгого хранения. Во-вторых, из орехов изготавливались такие симулякры, как шапочка, рубашка, плеть, т. е. налицо имитативная функция предметов, собранных из орехов. И, в-третьих, каждый отдельный орешек представляет собой идеальный исходный элемент для сборки сложных композиций. Несомненно, условием легкого получения исходного материала было обилие дикорастущей лещины в местных лесах и фундука в садах. Но при изобилии орехов обращает на себя внимание тот факт, что в период расцвета торговли Черкесии в XVIII в. в страну ввозилось «много грецких и лещинных орехов».¹⁵ Ввоз грецких орехов оправдан поздней культивацией этого растения в адыгских районах, но ввоз лещины мог быть оправдан только большой в ней потребностью.

Ореховая палка «дэ баш» (по-кабардински) или «дэжъые бэщ» (по-адыгейски) именовалась еще «хьагыекло бэщ» — палка хатякьо, распорядителя торжеств, на свадьбе его распознавали по этому предмету. В данном случае присутствие орехов — функциональный определитель свадебной ореховой палки. Сама же палка представляет собой жезл, как «кьоджэ бэщ» (адыгейск. — сельская палка), атрибут старосты, и указывает на необходимость исполнения его указаний; палка «удж бэщ» — жезл распорядителя танца, почетного старика, к тому же и гостя, «посланника бога», палка «шхьагырыт бэщ» — посох организатора застолья, или палка, обозначающая лиц, назначенных в помощь суду.¹⁶

Все жезлы, находясь в вертикальном положении при их использовании, выказывают повеление к действию или маркируют лицо, имеющее право распоряжения. Вертикаль большого флага, как флага пахарей («ваклууэ бэракъ») или

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ВОССТАНОВЛЕНИЯ АРХАИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ СЧЕТА ВРЕМЕНИ (на примере адыгских жезлов из ореха)

Ореховое знамя.

флага предводителя воинского отряда, изменением своего положения служила сигналом к определенному действию.¹⁷ Ореховая палка имела отношение к воздействию на будущее, что отразилось в пережиточном виде в детских играх: когда производилась жеребьевка участников, палку держали вертикально.¹⁸ Палки из древесины грецкого ореха использовались в лечебной магии для создания куклы-вместилища болезни, а также для добывания ритуального очистительного огня. Вырезанная из дерева ореховая палка обрела собственные неясные, но значительные свойства, поэтому человеку, нашедшему ее, рекомендовали: «...не держи палку, не зная, счастливая она или несчастливая».

Можно сказать, что у адыгов создание композиций из орехов базировалось на том, что их детали, плоды орехов и палка — ось монтажа композиции, наделялись экстрафункциональной ценностью.

Отмечено, что культ орешника и изготовление из орехов различных предметов было особенно характерно для черноморских шапсугов. Реминисценции культа ореха заметны в массовой, практически без исключения, занятости всех жителей шапсугских сел в сборе и обработке фундука, в увлеченности этим занятием, особой гордости за изобретенные приспособления для очистки орехов и т.д. До настоящего времени шапсуги продолжают делать композиции из орехов преимущественно для свадебных торжеств. Делятся три разновидности жезлов:

1) коронобразные навершия из орехов, конфет и лоскутков ткани, укрепленные на конце длинного шеста, имеющие вертикальную организацию;

2) жезлы хатяко — палки с изогнутым концом, увитые гирляндами орехов, или прямые с подвешенными цепочками орехов, их держат вертикально;

3) знамена-значки, состоящие из палки, под которой подвешиваются соединенные между собой гирлянды орехов, на концах гирлянд крепятся лоскутки красной ткани, композиция имеет горизонтальную организацию, подобные жезлы на свадьбе преподносятся почетным гостям, лучшим танцорам, победителям в скачках, в память о событии флажки иногда вешают на стену в парадной комнате дома.

Именно к последнему типу и принадлежат жезлы с низками орехов, висящими под палкой, расположенной горизонтально. Их образцом, по которому рассчитывались числовые ассоциации, являются жезлы из собрания РЭМ, приобретенные в 1976 г. Е. Н. Студенечкой и Г. И. Новиковой у черноморских шапсугов в ауле П Красноалександровский (ныне Калэж — «Старая крепость») Лазаревского района Большого Сочи. Интерес к ним был вызван тем, что в Черноморской Шапсугии неоднократно приходилось слышать о том, что такие жезлы являются календарями, но на чем основывается такое мнение было неясно. Очевидно, те принципы счета времени, которые могли быть отражены в ореховых жезлах, уже полностью забыты. Остается надеяться, что какие-нибудь черты устройства жезлов позволят увидеть счетную закономерность, которая может оказаться связана с приемами древнего счета времени у адыгов.

Использование орехов для создания календарного прибора представляется соответствующим перечисленным выше свойствам ореха в символике предметов адыгской культуры. Орехи позволяют построить множественную композицию из одинаковых элементов, подобную системе дней в году. Магическая функция коррекции будущего, проявляющаяся в использовании орехов в ритуалах свадебного и календарного циклов, как нельзя уместна в конструировании прибора, отсчитывающего или символизирующего время. Сцепка-соприкосновение орехов во флажке дает конструкции в целом свойство воплощать в себе переход от одного элемента к другому, т.е. символизировать движение и неподвижность одновременно.

В верхней части жезла находится палка, имеющая горизонтальное положение, к ней крепятся свисающие вниз нитки орехов. По тому, как подвешены нитки, вся конструкция делится на две части: в левой сосредоточена основная масса орехов; в правой от конца палки свисают три нитки орехов, две висят свободно, а одна соединяет правую и левую части. Между правой и левой частями — достаточно большой промежуток, где нет орехов. Соответствующая ему часть палки предназначена, очевидно, для захвата жезла рукой. В левой части палки через нее пропущены восемь нитей, образующих вертикальные оси плетения. На палке места крепления отмечены сверху лоскутками красной ткани и нарезками на самой палке либо в виде косоугольного креста на торце палки, либо срезанием углов палки между нитями. Наличие нарезок позволяет вспомнить о жезлах с вырезами, отличительном признаке помощников суда.

В левой части жезла пересечение ни-

тей образует сетку из ромбических ячеек со свисающими внизу подвесками. От места крепления на палке отходит по паре нитей, которые, будучи пропущены через орех, висящий под палкой, расходятся под углом и пересекаются с другими нитями. Каждое пересечение зафиксировано орехом. Всего орехов, через которые проходит по две нити, в левой части — 38. Ромбические ячейки сетки состоят из 4 угловых орехов и 12 (по 3 на каждой стороне ромба) простых. От нижних угловых орехов отходят по две нитки, по восемь орехов в каждой. Всего простых орехов в левой части содержится: в сетке — 192, в подвесках — 128. Всего угловых и простых орехов в левой части 358. Сетка имеет форму прямоугольника. Благодаря боковым ниткам, вытянутым в линию, в этой линии, считая угловые и простые орехи, находится 23 элемента.

В правой части висят три нитки, нити которых крепятся к палке, проходя через один общий орех, подвешенный под палкой (будем для простоты также называть его угловым), в двух нитках насчитывается по 8 орехов. Еще одна нитка нижним концом соединена с крайним угловым орехом, находящимся в третьем ряду сетки, в низке содержится 9 орехов. Всего в правой части насчитывается 26 орехов. Общее число орехов во всем флажке, в его правой и левой части, 384, или 3×2^7 .

В некоторых полученных числах можно увидеть несколько значений, которые могут быть признаны соответствующими календарным. Первое такое число — общая сумма орехов в жезле — 384. Интервал в 384 дня представляет собой так называемый високосный лунный год. Если рассматривать его как признак лунного календаря, то в этот цикл войдут 13 месяцев по 27 дней и 53 дня или так называемых «синодических» месяцев, точных отрезков времени полного повторения фаз Луны. Продолжительность солнечного года в данном случае во внимание не принимается. Если рассматривать лунный високосный год относительно солнечного, то тогда он представляет собой отрезок времени, включающий наблюдения двух одноименных солнцестояний (например, двух летних или одноименных равноденствий). В некоторых древних системах счета времени использовался данный интервал, но считается, что прием не получил широкого распространения.²¹ Использование приема счета времени, когда счетный цикл захватывает конец годового календарного цикла (предположительно солнечного года примерно 365 дней) и начало другого, или приема, при котором следующий год может начинаться раньше, чем закончится предыдущий, также может привести к тому, что число дней в году может превысить величину астрономического цикла. В данном случае такое наложение на каждый из годовых интервалов составит 9—10 дней.

(Продолжение следует).

Примечания:

¹ Хабекирова Х. А., Мусукаев А. И. Мир дерева в культуре адыгов // КЛИО (Кавказский историко-этнографический Олимп). Раздел «Этнография». Вып. 6. Нальчик, 2001. С. 61—62, 127.

² Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Института этнографии. Новая серия. М., 1959. С. 204; Гревенс Н. Н. Культурные предметы кабардинцев и осетин // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1961. С. 341; Хабекирова Х. А., Мусукаев А. И. Мир дерева... С. 62.

³ Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые

игры адыгов. Нальчик, 1979. С. 22.

⁴ Там же. С. 108-109.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Васильков В. В. Очерк быта темиргоевцев // Сборник материалов по описанию племен и местностей Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис, 1901. С. 97.

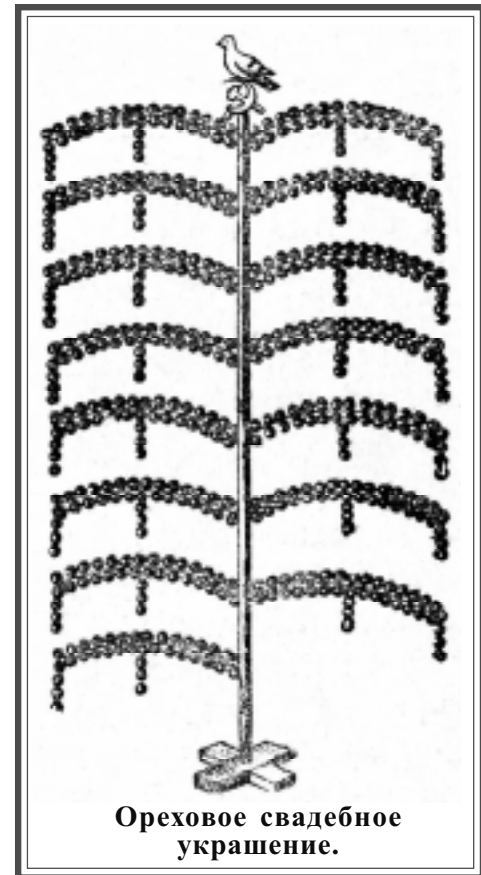
⁷ Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры. С. 146.

⁸ Гонежук Г. Я. Из истории физической культуры и военной подготовки адыгов в прошлом // Культура и быт адыгов. Вып. 2. Майкоп, 1978. С. 202.

⁹ Шмукис И. О черкесской свадьбе // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940. С. 25.

¹⁰ Коджесау Э. Л., Меретуков М. А. Семейный и общественный быт // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964. С. 51.

¹¹ Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. Краснодар, 1927. С. 14; Гонежук Г. Я. Из истории фи-

Ореховое свадебное украшение.

зической культуры... С. 200.

¹² Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 574.

¹³ Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // Там же. С. 606.

¹⁴ Меретуков М. А. Брак у адыгов // Учен. зап. Адигейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. VIII. Майкоп, 1968. С. 213, 222.

¹⁵ Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов.

¹⁶ Бгажноков Б. Х. 1) Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 114; 2) Логос игрища // Мир культуры. Нальчик, 1990. С. 28; 3) Черкесское игрище. Нальчик, 1991. С. 154-155, 161; Мафедзев С. Х. Символика в коммуникативном поведении адыгов // Национальная культура и общение. М., 1977. С. 53; Унарокова Р. Б. Формы общения адыгов. Майкоп, 1998. С. 25.

¹⁷ Унарокова Р. Б. Формы общения адыгов... С. 26.

¹⁸ Мафедзев С. Х. О народных играх адыгов. Нальчик, 1986. С. 37, 41, 45.

¹⁹ Хабекирова Х. А., Мусукаев А. И. Мир дерева... С. 67.

²⁰ Унарокова Р. Б. Формы общения адыгов... С. 24-25.

²¹ Буткевич А. В., Зеликсон М. С. Вечные календари. М., 1984. С. 35-36.

В. А. Дмитриев. // Историческая этнография. Вып. 2: Динамика этнической культуры народов России. СПб., 2004. С. 35-49.

Ореховый кнут.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АДЫГОВ

Кабардинские курганы XIV–XV вв.: от Днепра до Каспия

Анализ археологических исследований кабардинских курганов XIV–XV вв. является одним из наиболее важных разделов этого проекта. Основной упор будет сделан на периодизации ранних кабардинских курганных могильников. Инвентарь золотоордынского времени позволяет нам уверенно определить хронологию ранней Кабарды и ее восточные границы. Последние публикации М. В. Горелика по адыгским курганным захоронениям Поднепровья XIV в. позволяют археологически подтвердить нарративные свидетельства по днепровской Черкасии. Кабардинцы имитировали конструкцией деревянных гробов и формой погребальных камер традиционные зихские пиратские ладьи-камары. В этом плане они предстают, действительно, как пираты на суше. Следы моря в культуре кабардинцев великолепно подтверждают их зихское или даже западнозихское происхождение. Эти отражения можно расценить как следствие многоплановости кабардинской колонизации, при которой к основ-

ному всадническому кабардинскому коллективу могли присоединиться группы добровольцев из приморских районов Зихии.

Подробное исследование нарративных источников необходимо дополнить данными археологических изысканий. В основе сомнений, высказанных А. Х. Нагоевым в 1980 г. и затем содержащихся в посмертном издании 2000 г., лежит факт отсутствия денег золотоордынской эмиссии и вообще отсутствие среди находок любых денег⁷⁷. Да, действительно, денег нет. Если бы были обнаружены деньги XVI–XVII вв., тогда аргументация была бы логичной. Более того, денег нет и в белореченских курганах, за исключением нескольких монет, обнаруженных в одной шкатулке в одном женском погребении. Эти монеты ханов Узбека (1320), Шадибека (1401–1402), Сейид-Ахмеда (1402–1419)⁷⁸. Тем не менее, сам же А. Х. Нагоев на основе тщательного сопоставительного анализа погребального обряда и инвентаря кабардинских курганов с белореченскими курганами, а также с позднекочевническими и золотоордынскими погребе-

позднего переселения. Нет сомнения, что их более всего устроила бы датировка XVII в., но этому мешает информация о посольствах кабардинцев в Москву при Иване Грозном. Вместо того, чтобы прийти к выводу о позднем происхождении одной конкретной могилы либо одного конкретного комплекса, предлагают изменить датировку для нескольких тысяч курганов на пространных от Урупа до Сунжи. Подчеркнем, что подобная методика не основана на тщательном сопоставительном анализе всего археологического материала: обряда погребения, погребального инвентаря, огромнейшего количества вещей, которые не менее информативны, чем монеты. В конце концов, белореченские монеты явно не входили в круг необходимых вещей, которые укладывались усопшему. В противном случае, зная богатство этих памятников, мы давно уже располагали бы тысячами монет, целыми кладами. Такого количества золотых и серебряных изделий, которое содержат курганы Белореченской группы, не отмечено нигде на Кавказе и на всей территории Золотой Орды. При этом деньги не играли никакой роли в погребальном обряде.

вают типологию? На основе тысяч вещей. И эти самые вещи одинаковы во всех курганах Кубани, Пятигорья, Кабарды и далее на восток вплоть до Бамута и Ачхой-Мартана⁸⁴. «В чем же заключается это сходство? — задается вопросом Милорадович, — 1) Погребальный обряд тот же — покойник клался головой на запад (очень редко — на юг), на спине, в вытянутом положении, с вытянутыми руками и ногами, часто в деревянном гробу. 2) Обряд засыпки могилы древесным углем имеет место и в белореченских курганах. 3) В белореченских курганах, как и в кабардинских, не найдено удилищ и стремей и прочих принадлежностей сбруи коня. 4) Большие совпадения, нередко до тождества, имеет погребальный инвентарь»⁸⁵. Короткий, но убедительный анализ. О. В. Милорадович не ставила себе целью показать в полном объеме это тождество, но такая цель стоит перед нами сегодня — во времена, когда новая волна «кавказоведов» отрицает существование на карте Северного Кавказа XIV–XV вв. не только Кабарды, но и Черкесии в целом.

Совпадения в погребальном инвентаре приводим на основе уже сделанных наблюдений в работах А. Х. Нагоева, О. В. Милорадович и В. П. Левашевой. «Полное единство описываемых памят-

Основание

Кабарды

Прижизненный портрет царя всея Руси и великого князя Тверского Симеона Бекбулатовича, внука Темура Идаровича. До XIX в. портрет хранился в замке Радзивиллов в Несвиже. В настоящее время находится в Музее истории культуры г. Минска. Московский трон Симеон Бекбулатович занимал в 1575 г. — во время так называемой «второй опричнины». См.: Булатов М. П. Тайны Золотой Орды и Византии. Тверь, 2005.

ниями, убедительно датирует их XIV–XV вв. Часть курганных скоплений он относит к XVI в. и даже XVII в. Говорить о XVII в. позволил немецкий счетный жетон первой четверти XVII в., обнаруженный в одном из погребений Шалушкинского могильника, что «указывает на необходимость отодвинуть верхнюю дату кабардинских курганов до конца указанного столетия»⁷⁹. Да, курганы продолжали возводиться вплоть до XVII в., но это совершенно не связано со временем и этапами переселения адыгов в Кабарду. Курганы XVI–XVII вв. возведены людьми, предки которых давным-давно осели в регионе.

«Мы согласны с теми исследователями, — делает вывод А. Х. Нагоев, — которые считают, что расселение адыго-черкесов на юго-восток началось задолго до татаро-монгольского завоевания Северного Кавказа под влиянием внутренних факторов общественного развития. Поэтому их продвижение на юго-восток мы рассматриваем как длительный процесс... Это позволяет отнести время возникновения основной массы кабардинских курганов на Центральном Предкавказье к XIV веку, а на юго-восточных пределах — правобережье Терека — к концу указанного столетия»⁸⁰.

Очень характерно, что исследователи из Краснодара и Армавира сразу предпочли трактовать эту находку как неопровержимое свидетельство очень

Это соображение подтверждается количеством и характером всех находок монет на Северо-Западном Кавказе: их крайне немного в курганах за пределами белореченской группы, и достаточно много на поселениях XIV–XV вв. Вот все известные монеты, найденные в курганах: «Несколько джучидских монет XIV–XV вв. было встречено в курганный группе у Южной Озерейки, в курганном погребении у ст. Раевской обнаружена серебряная монета Джанибека. В курганных могильниках Черный Ерик I–II были найдены генуэзско-татарские монеты. При раскопках В. Л. Бернштама в 1879 г. у ст. Старомышастовской серебряные джучидские монеты были найдены в трех курганных погребениях. В одном из погребений 4 монеты: Джанибек: город (?), 742 г. х. — 1; Абдаллах: Орда, 767 г. х. — 3». То есть, археологи обнаружили с десятков монет на несколько тысяч курганов. Это подтверждает, что монеты не входили в перечень погребального инвентаря. Сравните с кладами в 1665 серебряных монет второй половины XIV в. в ст. Варенниковской; в 5600 серебряных монет XIV–XV вв. из Ейска; в 23 000 серебряных монет XV в. из ст. Петровской, многие другие находки⁸¹.

О. В. Милорадович указывает: «В типичном для этих памятников (кабардинской группы. — С. Х.) женском погребении в ст. Белореченской (курган № 12, раскопки Н. И. Веселовского 1896 г.) в деревянном ларце лежали три серебряные золотоордынские монеты»⁸². Три серебряных монеты на 72 богатейших курганах: явно усопшая не рассматривала эти монеты как капитал. Для нее был важен металл. Именно серебру черкешенки отдавали предпочтение, украшая им различные предметы обихода, одежды, туалета. В. П. Левашева подробно писала об этом на основе анализа археологического и этнографического материалов⁸³.

На основе чего ученые устанавли-

ников, — отмечает Милорадович, — подчеркивают некоторые вещи, входящие в состав могильного инвентаря, например железные наперстки в виде трезубцев, найденные: одно — в районе г. Нальчика и три у ст. Абинской (запад Прикубанья); трезубцы спаяны из железных пластин, на конце имеют острие для насадки. Кабардинский трезубец был насажен на древко, и к нему была прикреплена, очевидно, какая-то ткань, следы которой сохранились в погребении в виде волокон. Из трех белореченских трезубцев два совершенно тождественны кабардинскому, а третий трезубец немного иной»⁸⁶. Трезубцы были в ходу вплоть до XIX в. «В Кабарде, — писал Н. Дубровин, — существует обыкновенное класть на могилу умершего вырезанное из дерева небольшое изображение того, чем занимался покойник при жизни: на могиле воспитанника ставится железный трезубец в виде вилки на шесте, к которому прикрепляют черную или красную ткань»⁸⁷. Нальчикский трезубец особенно похож на украинский герб, который, как известно, восходит к знаку Рюрика... Интересно, что Б. А. Рыбаков уже проводил это сравнение, сравнив нальчикское наперстие с княжеским знаком Мстислава Владимировича, который, в свою очередь, он усмотрел на костяной обкладке лука, найденного на Тамани⁸⁸.

На наш взгляд, и украинский герб, и нальчикские, и западноадыгские трезубцы развились на основе черкесской тамговой системы. А. Х. Нагоев указывает на сходство в обустройстве кабардинских курганов с курганами кочевников золотоордынского времени (курганов с ровиком вокруг), что само по себе дает возможность для датировки XIV в.⁸⁹ Тему гербов на материалах могильника МТФ-3 у ст. Старокорсунская продолжил в двух своих статьях Л. Э. Голубев⁹⁰. Герб из Прикубанья совершенно идентичны гермам черкесских мамлюков последней четверти XIV–XV вв. и представлены двумя медальонами из шел-

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АДЫГОВ

ка и войлока на деревянной основе с изображениями, вышитыми бронзовой нитью. Характерно, что данные захоронения «имеют наибольшее сходство в погребальном обряде с кабардинскими средневековыми погребениями»⁹¹.

Следующее важное сходство — стеклянная посуда, некоторые экземпляры которой позволяют датировать белореченские и кабардинские курганы не просто XIV-XV вв., но и определенно XIV столетием. «В четырех погребениях найдены стаканы из прозрачного стекла в форме мензурок, — отмечает Левашева, — некоторые из них орнаментированы эмалевой росписью: поясками из линий, подражаниями арабским надписям и изображениями рыбок, птиц. Такие формы характерны для стеклянной посуды Сирии и Месопотамии XII-XIV веков. Они неоднократно встречались в раскопках северокавказских курганов, одновременных белореченским»⁹². Большая ваза зеленатоватого стекла с арабскими надписями и изображением герба мамлюкского султана Бейбарса I (1260–1279) — идущего влево льва. На это сходство обратил внимание сам Н. И. Веселовский. Помимо египетско-сирийского стекла, две группы курганов объединяет и венецианское стекло: Левашева указывает на по-

женского белореченского убора. — С. Х.) встречались очень часто»⁹⁹. Покрой одежды тождественен в деталях: «Параллель серебряным нарукавникам можно видеть в отделке одежды тонкими орнаментированными серебряными пластинами в курганах Пятигорского округа, одновременных белореченским»¹⁰⁰. Белореченские пуговицы «обычны в материале из северокавказских могильников (станции Андрюковская, Ярославская, Абинская, Костромская, Ханская, быв. Колония Покровская, Шапсугинский могильник, Майкоп, Махческ, Пятигорский округ и другие пункты), в которых зачастую повторяются белореченские типы. Встречаются такие же пуговицы и в поволжских памятниках золотоордынского времени, но там преобладают ажурно-филигранные»¹⁰¹. Опять, как видим, идет привязка по времени к Золотой Орде, что подтверждает единовременность курганов Адыгеи и Кабарды. Поясные пряжки, обнаруженные в белореченском типе, подразделены Левашевой на три основные группы, из которых две схожи с кабардинскими¹⁰².

Серьги или височные кольца найдены в 60 из 72 курганов белореченской группы. Они подразделяются на круглые и плоские в сечении. Почти все серьги золотые. Серебряные найдены лишь в

с одинаковым инвентарем, основной особенностью которого является полное отсутствие принадлежностей коня... Какой народности могли принадлежать курганы кабардинские, а также белореченские? Я думаю, не может быть никакого сомнения в принадлежности их адыго-черкесско-кабардинским племенам, населявшим в XIV–XVI вв. точно ту же территорию, которую занимают курганы»¹⁰⁶.

Обряд погребения белореченско-кабардинских курганов описан Джорджи Интериано: «Похороны у них совершаются очень странно. Когда умирают знатные люди, они устраивают в поле высокое деревянное ложе, на которое кладут мертвеца в сидячем положении, предварительно вынув у трупа внутренности и здесь в продолжение восьми дней его посещают родные, друзья и подданные, которые приносят различные дары, вроде серебряных чаш, луков, стрел и других предметов. По обе стороны ложа становятся двое из числа наиболее близких родственников, пожилого возраста, каждый опираясь на посох, а над ложем по левую сторону стоит девушка со стрелой в руке, на стреле у нее развивается шелковый платок, которым она отгоняет мух от покойника даже в холодное время, длящегося большую часть года в этих краях. А лицом к мертвецу сидит на особом возвышении первая из жен и, не отрываясь, глядит на мертвого мужа, но не плачет, потому что плакать считается постыдным,

А. Я. Брюсова. М., 1953. (Тр. ГИМ; Вып. 22) С. 184.

79. Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. С. 73.

80. Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. С. 73.

81. Пачкалов А. В. Находки монет XIII–XV вв. в Краснодарском крае // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 203–204.

82. Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. М., 1954. Вып. XX. С. 350.

83. Левашева В. П. Белореченские курганы. С. 206–207.

84. См. карты распространения черкесских курганов у О. В. Милорадович (С. 344), А. Х. Нагоева (рис. 1), Н. А. Шафиева (рис. 28).

85. Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. С. 351.

86. Там же. С. 351–352.

87. Цит. по: Там же. С. 353.

88. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. Вып. VI. С. 242.

89. Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. С. 46.

90. Голубев Л. Э. 1) Группа позднесредневековых погребений из могильника МТФ-3 близ станции Старокорсунской // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1997. Вып. 3. С. 115–120; 2) Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2002. С. 142–146.

91. Голубев Л. Э. Мамлюкские гербы из Прикубанья. С. 145.

Основание

Кабарды

что полное тождество двух стеклянных кувшинов из кургана № 38 (раскопки 1896 г.) и кургана близ Махчеса (совр. Северная Осетия)⁹³.

Наверное, наиболее наглядное доказательство того, что пятигорско-кабардинские курганы единовременны белореченско-кубанским — сабли. Детальное описание содержится у А. Х. Нагоева, В. П. Левашевой, Н. А. Шафиева, М. Л. Стрельченко. «Такого типа сабли, — пишет В. П. Левашева, — были широко распространены на Северном Кавказе и часто встречаются в курганах, одновременных белореченским, но этого типа оружие употреблялось и в других районах, в частности, оно известно из раскопок в Сарае-Берке»⁹⁴. Привязка к Сарае-Берке позволяет уверенно датировать кабардинские курганы. Коллекция сабель неуклонно пополняется⁹⁵. Белореченско-кабардино-пятигорский тип сабель был собственноручным изобретением и имел широкое хождение — от Украины до Египта. А. Х. Нагоев отмечает, что все виды наконечников стрел из кабардинских курганов идентичны кочевническим золотоордынского времени⁹⁶. У этого же исследователя отмечается, что лировидные кресала кабардинских курганов имеют прямые аналогии позднекочевническим кресалам Юго-Восточной Европы XIII–XIV вв.⁹⁷

Форма ножиц в обеих группах совершенно тождественна. И там, и там обнаружены туалетные несесеры в виде цилиндрических корбочек, а также капторги (футляры для мусульманских амулетов). Все находки сделаны в женских погребениях и явно не использовались по назначению, но были приспособлены под туалетные приборы⁹⁸.

Совершенно наглядный характер носит сходство головных уборов как мужских, так и женских. «Такого вида головные уборы, — констатирует В. П. Левашева, — обычны для памятников Кабарды позднего средневековья; они встречаются почти во всех курганных группах Прикубанья и в Пятигорском районе... В раскопках Д. Я. Самоквасова под Пятигорском наверху в виде лунниц на стержне (столь характерные для

пяти погребениях. Указываются весьма важные для темы черкесского присутствия на Украине несколько находок круглых в сечении белореченских серг в Полтавщине и в раскопках курганов под Аккерманом. Плоские же серги исключительно характерны для адыгов: «Ни в одновременных белореченским золотоордынских памятниках, ни в более раннем материале поздних кочевников такие кольца не встречаются. Зато в раскопках под Нальчиком, в Махческе, под Пятигорском они обычны, причем пятигорские серебряные височные украшения воспроизводят тип белореченских золотых»¹⁰³. Закономерно, что также выделяются общеадыгские женские височные украшения: «Плоские подковообразные височные кольца с вертикальным лапчатым стержнем для нанизки бус можно считать типичными для Кавказа, как и мужские плоские кольца. Кроме Прикубанья, такие украшения (как золотые, так и серебряные) в большом количестве известны из раскопок Д. Я. Самоквасова под Пятигорском... Этот же тип золотых височных колец известен из раскопок гробниц под Махческом в Северной Осетии, из курганов близ станции Дагестанской и Костромской на Кубани. Вне Кавказа он не встречается»¹⁰⁴. Бронзовые с позолотой височные витые кольца найдены в единственном раскопанном кургане XIV в. обширного могильника Грузинка VII в долине р. Абин¹⁰⁵.

Как белореченско-кубанские, так и пятигорско-кабардинские курганы почти полностью лишены керамики, тогда как в Поволжье ее очень много. В рамках обозначенной темы мы сделали акцент на сходстве и единовременности двух адыгских курганных массивов. В работах Милорадович и Левашевой убедительно показана самобытность адыгской культуры XIV–XV вв., ее несопоставимость ни с какими другими культурами эпохи Золотой Орды. «Мы видим, — завершает свой анализ О. В. Милорадович, — на большой территории от низовьев Кубани до р. Сунжи на востоке погребения под курганными насыпями в деревянных гробах, головой на запад,

и так проводят они большую часть дня, вплоть до восьмого, после чего погребение совершается таким образом: берут очень большое дерево и от самой толстой его части отрубают в длину, сколько следует, затем раскалывают надвое, очищают и вынимают из сердцевины столько, чтобы поместилось тело вместе с частью принесенных даров, о которых говорилось выше. Затем, положив умершего в это углубление, складывают обе половины дерева и несут к месту, предназначенному для погребения, где собирается большая толпа народа. Ему делают так называемую могилу, т. е. земляную насыпь, и чем важнее был умерший, и чем более имелось у него подданных и друзей, тем выше и больше насыпается этот холм; между тем самый близкий из родичей собирает принесенные дары, и все время раздает присутствующим, и чем более он любил и чествовал покойного, тем менее этих даров хоронилось с ним... После похорон несколько раз в час, определенный для еды, обряжают коня умершего и посылают его в поводу с одним из слуг к могиле, и там он до трех раз зовет покойника по имени, приглашая его прийти и разделить трапезу с родными и друзьями. Но, видя, что никакого ответа нет, слуга с конем возвращается обратно и заявляет, что он не отозвался. И тогда, считая, что исполнили свой долг, пьют и едят в честь умершего»¹⁰⁷.

Описание черкесских-зихских-адыгских похорон выполненное Интериано в 1500 г., представляет собой лучшее доказательство единства белореченских, кубанских и кабардинских курганов в этнокультурном и временном пространстве.

Примечания:

77. Нагоев А. Х. 1) Кабардинские курганные могильники у сел. Чезем II // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 160–161; 2) Средневековая Кабарда. С. 72–73.

78. Левашева В. П. Белореченские курганы // Археологический сборник / Под ред.

92. Левашева В. П. Белореченские курганы. С. 173.

93. Там же. С. 173–174.

94. Нагоев А. Х. 1) Средневековая Кабарда. С. 53; 2) Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1987. Т. 3. С. 199–200, 230–231; Левашева В. П. Белореченские курганы. С. 177. — Детальный анализ см.: Шафиев Н. А. История и культура кабардинцев... С. 62–64; Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (По материалам Убинского могильника) // Наш край: Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, 1960. Вып. 1. С. 145–151.

95. Подробнее см.: Голубев Л. Э. Военный комплекс из разрушенного погребения в поселке Дачи (Горячключевский район Краснодарского края) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 318–319; Бузаров А. К. Средневековый некрополь «Шхомчиятль» (По материалам охранно-спасательных работ на левобережье Краснодарского водохранилища в 1990-е годы) // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1999. Вып. 2. С. 3–7.

96. Горелик М. В. 1) Адыги в Южном Поднепровье. С. 293–300; 2) Черкесы — черкасы (Археологические свидетельства) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. С. 40–43; Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. С. 56.

97. Там же. С. 59.

98. Левашева В. П. Белореченские курганы. С. 185.

99. Там же. С. 188.

100. Там же. С. 190.

101. Там же. С. 194.

102. Там же. С. 195.

103. Там же. С. 203–204.

104. Там же. С. 205.

105. Дружинина И. А. К вопросу о хронологии погребальных памятников средневековых адыгов // Четвертая Кубанская археологическая конференция. С. 79.

106. Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. С. 354–355.

107. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. С. 51–52.

С.Х.Хотко.